

Сутягина Т. Е. (Екатеринбург, УрГПУ)

*«Лишний человек» и «кающийся дворянин»:
к вопросу о типологии героев в русской литературе*

Аннотация. Исследовательская задача автора статьи заключается в попытке определения наиболее удачной номинации одного из типов русской литературы. Значительное внимание уделяется рассмотрению понятия «литературный тип», после чего предлагается теоретический обзор двух типов русской литературы: «лишний человек» и «кающийся дворянин». Характерные особенности каждого литературного типа формулируются в опоре на знаковые труды советских и российских литературоведов, а также на новейшие работы учёных, регулярно публикующиеся в периодических изданиях. Автор стремится проследить закономерности возникновения данных литературных типов, поскольку это является необходимым условием понимания причин и факторов, выдвинувших на авансцену последней трети XIX века тип «лишнего человека, осложнённого психологическим комплексом кающегося дворянина» (Г. К. Щенников) – тип, функционирование которого в русской литературе требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: литературные типы, литературные герои, лишний человек, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Sutyagina T. E. (Ekaterinburg, USPU)

*«Unnecessary man» and «penitent nobleman»:
to the question of the typology of heroes in Russian literature*

Abstract. The research task of the author of the article is to try to determine the most successful nomination of one of the types of Russian literature. Considerable attention is paid to the concept of the «literary type», after which a theoretical review of two types of Russian literature is proposed: «unnecessary man» and «penitent noble-

man». The characteristic features of each literary type are formulated in support of the landmark works of Soviet and Russian literary scholars, as well as the newest works of scientists regularly published in periodicals. The author seeks to trace the patterns of the emergence of these literary types, since this is a necessary condition for understanding the causes and factors that put forward the type of «superfluous man complicated by the psychological complex of the penitent nobleman» (G. K. Schennikov) to the foreground of the last third of the XIX century – the type whose functioning in Russian literature requires further study.

Keywords: literary types, literary heroes, extra people, Russian literature, Russian writers, literary work.

Несмотря на то, что литературоведческая наука должна оперировать чёткими, однозначными понятиями, тем не менее, регулярно возникают дискуссии, касающиеся толкования того или иного литературного термина. К примеру, в литературоведении нет единственно верного, чёткого определения понятия «тип».

Так, в учебном пособии под редакцией Н. Д. Тамарченко «Теория литературы» понятия «характер» и «тип» противопоставлены соответственно, как «индивидуализированный персонаж неиндивидуализированному или как персонаж, в котором раскрыт “внутренний” аспект, т. е. побудительные причины поведения и поступка, персонажу, показанному лишь “извне”, через поведение и поступок» [Теория литературы 2004, I: 249]. Под литературным термином «тип» авторами пособия предельно обобщённо понимается «готовая форма личности» [Там же: 255].

Л. Я. Гинзбург утверждает, что существуют «традиционные литературные роли и те устойчивые формулы экспозиции героя, благодаря которым он сразу же “узнаётся” и начинает свою жизнь в сюжете, где в дальнейшем он ещё может подвергнуться множеству превращений» [Гинзбург 1979: 4].

Е. П. Барышников высказывает схожую мысль о том, что любой достаточно развитой литературе свойствен процесс «формализации характера, который утрачивает свою непосредственность и превращается в “тип”» [Барышников 1967, IV: 316]. Под литературным типом исследователем понимается «образ челове-

ской индивидуальности, наиболее возможной, типичной для определённого общества» [Барышников 1972, VII: 507].

Л. В. Чернец для того, чтобы избежать терминологической нечёткости, предлагает ввести в литературоведческий тезаурус понятие-термин «тип персонажа», понимаемое как «инвариант, который в чистом виде нигде не представлен, он воплощён в различных вариациях, каковыми являются конкретные персонажи (или рассказчики)» [Чернец 2016 (а): 83]. Особенностью «типа персонажа», «уникального и в то же время заключающего в себе некое обобщение» [Чернец 2016 (б): 9], Л. В. Чернец считает то, что он, вопреки стереотипному пониманию, не статичен, а «движется, отвечая на вызовы нового времени, отражая его краски» [Там же: 9], эволюционирует, «обрастая ... новыми смыслами», но при этом «сохраняя некоторые устойчивые черты, позволяющие его идентифицировать» [Там же: 10]. Кроме того, закреплению определённого «типа персонажа» в литературе, по мнению исследовательницы, способствует сама его номинация («лишний человек», «маленький человек», «новый человек», «герой-идеолог», «человек в футляре» и пр.).

Тип «лишний человек» является одним из наиболее распространённых типов русской литературы XIX века. Это типичный образ героя-дворянина, представителя высшего общества, обладающий такими характерными чертами, как образованность, способности, не имеющие возможности быть реализованными в современном герою обществе. Отсюда разлад с последним и отчуждение от своей социальной среды, стремление заполнить пустоту и душевную скуку праздными развлечениями, а также духовные поиски, часто увенчивающиеся равнодушием по отношению к жизни в целом.

Изучением данного типичного образа занимались многие исследователи русской литературы. К примеру, Ю. В. Манн под термином «лишний человек» понимает «литературный тип, характерный для русской литературы 20-х – 50-х гг. 19 века». В числе особенностей, выделяющих «лишнего человека» среди иных героев, исследователь называет «отчуждение от официальной жизни России, от родной ему социальной среды (обычно дворянской), по отношению к которой герой осознаёт своё интеллектуальное и нравственное превосходство» [Манн 1967, IV: 400], с одной стороны, и

«душевную усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом... общественную пассивность», «интенсивность нравственных и идейных исканий» [Там же: 400-401], с другой стороны. По мнению литературоведа, тип «лишнего человека» возникает «как переосмысление романтического героя» [Там же, IV: 401], а именно: байронического героя, а также романтических образов лирики Пушкина и поэтов-декабристов.

Касаясь вопроса возникновения термина «лишний человек», Ю. В. Манн отмечает, что, несмотря на появление данного типа в литературе начала XIX века, широкое распространение само понятие получило лишь в 50-е годы того же столетия, после публикации в журнале «Отечественные записки» эпистолярной повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850 г.), написанной в форме предсмертных записок героя Чулкатурина, который сам называет себя «лишним»: «Ну, скажите теперь, не лишний ли я человек? Не разыграл ли я во всей этой истории роль лишнего человека?... что за глупое пятое колесо в телеге!» [Тургенев 1977, V: 205].

Тем не менее, Д. Д. Благой утверждает, что понятие «лишний» использовал ещё А. С. Пушкин в рукописи будущего романа «Евгений Онегин», где и обозначил черты данного типа человеческой личности:

Кто там, меж ними в отдаленьи,
Как нечто лишнее, стоит?
Ни с кем он, мнится, не в сношеньи,
Почти ни с кем не говорит.
Меж молодых аристократов;
Между налетных дипломатов

Везде он кажется чужим.

[Благой 1931: 127. Разрядка автора. – Т. С.]

Впоследствии данный отрывок был изменён автором и в окончательной редакции романа представлен в следующем виде:

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.

[Пушкин 1969, IV: 150]

Поэтому Д. Д. Благой заключает: «Онегин справедливо считается в нашей литературе родоначальником “лишнего челове-

ка”. Из приведённых строк видно, что Пушкин не только первый создал у нас этот тип, но первый же употребляет и соответственное выражение, задолго до того, как Тургенев ... ввёл его в общий оборот» [Благой 1931: 127].

По мнению Н. Г. Федосеенко, рассматривая «лишнего человека» как тип, следует говорить «не столько о социальной “лишности”, сколько о внутреннем скитальчестве». Исследовательница очень тонко рассуждает о человеческих качествах данного литературного типа: «Герой пытается преодолеть отчуждение, появляется не столько противостояние, сколько желание объяснить себя людям. Отсюда значимой чертой становится потребность в слове, будь то слово исповедальное, эпистолярное или достаточно абстрактное» [Федосеенко 2008: 130].

Н. Г. Федосеенко также указывает на следующие типологические черты образа «лишнего человека»:

- «герой получил европейское образование, что мешает ему найти себе место в российской действительности;
- его уверенность в себе разрушается по воле неблагоприятной к герою судьбы;
- герои, читающие и сравнивающие себя и других с литературными образами;
 - странничество оборачивается скитальчеством;
 - герой не только показан в своих монологах и авторских оценках, но значимы и оценки его “другими”;
 - характеристики поверхностно-романтические связаны с героями второго ряда» [Там же: 125].

В дополнение к вышеназванным особенностям исследовательница выделяет несколько типологических доминант «лишнего человека»:

- «расхождение между полученными знаниями и российской действительностью порождают скуку;
- невозможность реализовать свои силы вызывает страсть к путешествиям (нередко связанным с поисками смерти);
- обязательное “испытание любовью” (Л. В. Пумпянский), что генетически восходит к *пратипу* романтического героя;
- умение говорить, “дар красноречия”» [Там же: 129-130. Курсив автора. – Т. С.].

Согласно точке зрения С. А. Никольского, «лишний человек» – это герой, «не вписывающийся в её (жизни – Т. С.) логику и диссонирующий с господствующими общественными ценностями и нравами» [Никольский 2010: 38]. Ссылаясь на творчество А. С. Пушкина, Никольский говорит о том, что ещё «образом Евгения Онегина он формулирует крамольную мысль: свободный человек в России “лишний”» [Там же: 39].

Э. Г. Шестакова ключевой характеристикой «лишнего человека» (помимо его обреченности на «общественно-политические неудачи из-за своего историко-культурного прошлого, неизбежно и однозначно предопределяющего проблемы настоящего» [Шестакова 2017: 178]) называет «странность» (см. об этом подробнее: с. 172-173).

По мнению Е. В. Никольского, «лишний человек», т.е. «герой, одинокий, отвергнутый обществом или сам отвергший общество, не был только плодом литературной фантазии. Он стал своеобразным болезненным явлением духовной жизни общества, вызванным кризисом общественной системы» [Никольский 2017: 8].

К числу «лишних людей» традиционно относят, например, Чацкого (А. С. Грибоедов «Горе от ума», 1825), Онегина (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», 1833), Печорина (М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», 1840) и т.д. Большинство исследователей сходятся во мнении, что последним представителем плеяды «лишних людей» является Обломов (И. А. Гончаров «Обломов», 1859). Тем не менее, нам думается, что на этом галерея героев данного типа отнюдь не завершается. Продолжение типа «лишних людей» (пусть и несколько видоизменённое) нам видится, например, в образах Николая Ставрогина (Ф. М. Достоевский «Бесы», 1872) и Петра Ардарова, героя ныне почти забытого романа В. А. Соллогуба «Через край» (опубликован в нескольких номерах журнала «Новь», 1885). Однако с существенным уточнением: данным героям, на наш взгляд, присущи характеристики не только типа «лишний человек», но и типа «кающийся дворянин».

«Кающийся дворянин» – понятие, закрепившееся в русской действительности благодаря употреблению одним из идеологов народничества Н. К. Михайловским в его очерках «Вперемежку», опубликованных в журнале «Отечественные записки» в

1876-1877 гг. Герой, от лица которого ведётся повествование в очерках, говорит о себе: «А я между тем – каюсь; я – кающийся дворянин» [Михайловский 1897: IV, 222]. Как отмечают В. В. Блохин и Е. Н. Лобанова, «социальный облик интеллигенции он (Н. К. Михайловский – Т. С.) описал такими этическими категориями, как “люди чести” и “кающиеся дворяне”, отразившими социокультурную соотносительность интеллигенции и народа, сложившуюся между ними напряжённую антиномичную связь» [Блохин, Лобанова 2017: 24].

Первоначально данное понятие использовалось отнюдь не по отношению к литературным персонажам, а скорее означало определенный тип личности, характерный для периода распространения идей народничества (середина и вторая половина XIX века). Появление данного типа обусловлено самой пореформенной эпохой, периодом после глобальных преобразований, за которыми в истории закрепилось условное обозначение «эпоха великих реформ». Л. А. Капитанова называет этот период временем «неопределённых перспектив и зыбких надежд, ... идейных разногласий, споров о народе, о судьбе дворянства, его исторической роли в жизни русского общества, о будущем развитии страны» [Тургенев в школе 2010: 165].

По мнению Э. С. Виленской, «кающийся дворянин» – «преимущественно молодой человек из дворянской среды, порывавший с дворянством, создавший особый кодекс личного поведения, противостоящий старой полицейской морали» [Виленская 1979: 204].

Наиболее детально изучением типа «кающийся дворянин» занимается Д. Э. Летняков, который даёт ему следующую характеристику: «В России дворянство участвовало в революции с таким радикализмом и жертвенностью, которые выливались в готовность полностью порвать все связи со своим кругом, сформировали чисто русской феномен “хождения в народ”, покаяния перед ним (тип “кающегося дворянина”))» [Летняков 2012: 92]. По мнению исследователя, «кающиеся дворяне» «шли в освободительное движение с мыслью о своей исторической вине перед закрепощённым народом, одержимые страстным желанием трудом на благо народных масс, участием в революции искупить “грех отцов”, десятилетиями живших за счёт эксплуатации крестьян» [Там же: 98].

Д. Э. Летняков приводит воспоминания некоторых лидеров революции 1917 года. К примеру, В. М. Чернов, в определённый период возглавлявший партию эсеров, писал: «Кающийся дворянин чувствовал себя в неоплатном долгу перед народом, бичевал себя сознанием своей исторической виновности, хотя бы лично он и был совершенно “без вины виноватым”; удручённый этим сознанием, он готов был добровольно выкраивать ремни из собственной кожи, чтобы только уплатить по “историческому векселю”» [Цит. по: Летняков 2012: 98]. Большевик В. В. Воровский, в свою очередь, отмечал: «Для кающегося дворянина естественна была мысль, что именно он, законный наследник поколений, взваливших на плечи крестьянина эти тысячелетние труды, что он-то и должен идти теперь к крестьянину и помочь ему “устроить жизнь по-новому”, вздохнуть полной грудью» [Цит. по: Летняков 2012: 98].

По словам Д. Э. Летнякова, тип «кающегося дворянина» абсолютно уникален, это исключительно российское явление: «Такой тип дворянина-революционера был характерен только для России, нигде больше дворянское покаяние перед простым народом не принимало столь радикальные формы и не носило столь массовый характер, нигде не ощущалось и не переживалось так остро» [Летняков 2012: 99].

Впервые эта мысль прозвучала в работе Н. А. Бердяева ещё в середине XX века: «Ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях. Создался своеобразный тип “кающегося дворянина”. “Кающийся дворянин” сознавал свой социальный, а не личный грех, грех своего социального положения и в нём каялся» [Бердяев 1955].

Ссылаясь на одного из авторов сборника «Вехи», С. Н. Булгакова, анализирующего специфику русской интеллигенции, Д. Э. Летняков отмечает наличие у последней «“перевёрнутой” религиозности без Бога, которая заключается в том, что интеллигенция при всём своём атеизме сохранила тем не менее черты религиозного мировоззрения, стремление к идеальному. В результате вместо стремления “пострадать за Христа” у неё возникло желание “пострадать за народ”, вместо покаяния перед Богом появилось “социальное покаяние” перед эксплуатируе-

мым народом, вместо поклонения Богу развился культ народа (“религия человекобожества”)) [Летняков 2012: 104].

Об этом же говорит Ю. В. Кокарева: «Покаяние “кающихся дворян” не есть христианское покаяние. ... Это перевёрнутое с ног на голову, вывернутое наизнанку религиозное понятие христианской веры» [Кокарева 2007: 257].

Обобщив свои рассуждения, Д. Э. Летняков заключает: «Жертвенность, страстная вера в собственные идеалы и искреннее желание пострадать за народ, в совокупности с той неприглядной картиной народной жизни, которую видела вокруг себя интеллигенция, производили на свет ту самую фигуру “кающегося дворянина”, ... готового принести собственное счастье, здоровье и даже жизнь на алтарь т.н. “народного блага”» [Летняков 2012: 104].

Одной из причин, приведших к формированию таких воззрений и возникновению данного типа личности, исследователь (помимо атмосферы, царящей в обществе) называет Отечественную войну 1812 года, которая «привела к общему патриотическому подъёму и заставила многих дворян взглянуть на крестьян не как на “живую собственность”, а как на сограждан» [Там же: 96].

Однако, как отмечает Д. Э. Летняков, «главной трагедией XIX века для русского революционного дворянства и всей интеллигенции» «оказался провал “хождения в народ”, осознание того факта, что, несмотря на все старания, пропасть между людьми, носящими “немецкое” и русское платье, между баринком и мужиком оказалась непреодолима. Даже если барин попытался сам на время превратиться в мужика» [Там же: 101-102].

Понятие «кающийся дворянин» уже в конце XIX века употребляется и в художественной литературе. К примеру, Лыжин, герой романа П. Б. Боборыкина «Перевал» (напечатан в шести выпусках журнала «Вестник Европы», 1894.), рассуждая о себе, заключает: «И в самом деле, какая жалкая фигура: интеллигент, проделавший над собою всякие эксперименты и очутившийся “ни в сих, ни в оных”! ... Даже не кающийся дворянин. Тот, по крайней мере, до смерти каялся бы и стремился сбросить с себя ветхого человека, – а я?» [Боборыкин 1894: 118-119].

Кроме того, данное понятие использует и М. Горький в своей критической статье «О Василии Слепцове»: «Очерки Слепцова появились в те годы, когда в русской литературе особенно громко

начали раздаваться голоса “кающихся дворян”, зазвучала чувствительная исповедь потомков о грехах предков» [Горький].

Как правило, наиболее чутко переживают социальные изменения творческие, думающие люди, поэтому закономерным становится тот факт, что некоторые писатели решаются предложить своё видение сложившейся социальной ситуации, а также пути дальнейшего развития российского государства. Так на авансцену времени выходит новый литературный герой – «кающийся дворянин».

Нам представляется возможным применительно, например, к образам Ставрогина («Бесы») и Ардарова («Через край») использовать понятие – тип «*лишнего человека*», *осложнённый психологическим комплексом «кающегося дворянина»*. Впервые подобное обозначение использовал Г. К. Щенников при характеристике героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Типичные качества “*лишнего человека*” предстают в нём (Ставрогине – Т. С.) в новой модификации, совмещённые с *психологическим комплексом семидесятника*» [Щенников 1987: 268. Курсив наш. – Т. С.]. Далее исследователь заявляет предельно ясно: «В Николае Ставрогине Достоевский *соединил* черты “*лишнего человека*” 40-х годов и “*кающегося дворянина*” 70-х» [Там же: 269. Курсив наш. – Т. С.].

В данном аспекте вслед за Г. К. Щенниковым идут С. И. Ермоленко и Н. А. Валек, которые, занимаясь изучением романа «Через край», поднимают вопрос о целесообразности введения новой номинации литературного типа. Они отмечают, что В. А. Соллогуб «в лице главного героя исследует *тип* “*лишнего человека*” – “человека не от века сего”, *осложнённый психологическим комплексом “кающегося дворянина” 70-х годов*» [Ермоленко, Валек 2013: 244. Курсив наш. – Т. С.]. Под «кающимся дворянином» исследователи понимают «человека из среды русского образованного дворянства, страдающего от сознания того, что предки его были крепостниками, и желающего “*послужить народу*”» [Там же: 228].

О том, почему «кающийся дворянин» в данной исторической ситуации становится «*лишним человеком*», С. И. Ермоленко и Н. А. Валек пишут следующее: «Тип “*безвольного*”, рефлектирующего интеллигента, не сумевшего порвать со своей средой и

не знающего, “куда идти”, в пору, когда на первый план выходил вопрос о герое, занимающем активную жизненную позицию, носителе передового общественного сознания, выглядел, очевидно, по меньшей мере, несвоевременным» [Там же: 233]. Точно так же, как и для типичных «лишних людей», для Петра Ардарова становятся безуспешными «мучительные духовные искания, ... попытки понять истинные причины общего неурейства жизни, а главное – хоть в малой степени изменить ситуацию к лучшему» [Там же: 234].

Номинация литературного типа, появившегося в русской литературе 70-х гг., – «*лишний человек*», *осложнённый психологическим комплексом «кающегося дворянина»* – представляется нам наиболее продуктивной. Поэтому, основываясь на ней, мы продолжим дальнейшее исследование, посвящённое анализу образа Петра Ардарова, главного героя романа В. А. Соллогуба «Через край».

Литература

1. *Барышников Е. П.* Литературный герой // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 315-318.

2. *Барышников Е. П.* Тип // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 7. – С. 507-508.

3. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс]. – Париж: YMCA-Press, 1955. – URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1937_042_0.html (дата обращения: 10.04.2018).

4. *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. – М.: МИР, 1931. – 320 с.

5. *Блохин В. В., Лобанова Е. Н.* Дихотомия «народ – интеллигенция» в радикальной мысли России середины XIX – начала XX вв. (К проблеме истоков русской смуты начала XX в.) // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 1. – С. 22-31.

6. *Боборыкин П. Д.* Перевал [Электронный ресурс] // Вестник Европы. Санкт-Петербург. – 1894. – № 1. – URL: <https://www.prlib.ru/item/323489> (дата обращения: 11.04.2018).

7. Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

8. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 223 с.

9. Горький М. О Василии Слепцове [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0330.shtml (дата обращения: 11.04.2018).

10. Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013. – 253 с.

11. Кокарева Ю. В. Идея долга в концепции нравственного идеала Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского // Вече. Альманах русской философии и культуры. – 2007. – № 18. – С. 253-259.

12. Летняков Д. Э. Дворянство как участник революционного движения: российские особенности // Политико-философский ежегодник. – 2012. – № 5. – С. 92-105.

13. Манн Ю. В. Лишний человек // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 400-402.

14. Михайловский Н. К. Вперемежку // Сочинения Н. К. Михайловского. – Санкт-Петербург: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1897. – Т. 4. – С. 211-378.

15. Никольский Е. В. Ещё раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе // Art Logos. – 2017. – № 2. – С. 7-22.

16. Никольский С. А. «Лишние» и «новые» люди русской классической литературы // Человек. – 2010. – № 6. – С. 37-54.

17. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1969. – Т. 4. – С. 5-189.

18. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Academia, 2004. – Т. 1. – 512 с.

19. Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 5. – С. 179-231.

20. *Тургенев в школе: книга для учителя* / авт.-сост. Л. А. Капитанова. – М.: Дрофа, 2010. – 320 с.
21. *Федосеев Н. Г.* И. С. Тургенев: к вопросу о «лишнем человеке» // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – № 3. – С. 125-133.
22. *Чернец Л. В.* (а) О типологическом изучении литературных персонажей // STEPHANOS. – 2016. – № 1. – С. 80-90.
23. *Чернец Л. В.* (б) Тип персонажа и его эволюция // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2016. – № 4. – С. 8-16.
24. *Шестакова Э. Г.* Мотив *русский человек на rendez-vous* как зеркало позиции литератора-критика-литературоведа // Toronto Slavic Quarterly. – 2017. – № 62. – С. 159-185.
25. *Щенников Г. К.* Достоевский и русский реализм. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 352 с.